ГЛАВА 3:

ПРИТЯЖЕНИЕ И ОТТАЛКИВАНИЕ. *ЭМПЕДОКЛ*

Граница между полезным и вредным
Есть удовольствие и неудовольствие.
Демокрит, фрагмент 21 [1]

1 Цит. по: *Mansfeld,* 1995, II, 271.

В 90-е годы XX века два классических филолога — бельгиец Ален Мартен и немец Оливер Примавези — работали над необычным проектом. Мартен получил из Страсбургской библиотеки разрешение выбрать из партии в 2200 еще не отредактированных папирусных текстов один для более пристального анализа и публикации. Благодаря тому что превосходное знание античных папирусов сочеталось у него с интуицией, он выбрал две соединенные между собой стеклянные рамки, в которые были помещены 52 обрывка одного папируса с фрагментами великолепно исполненного рукописного текста[2]. В ходе дальнейшей многолетней работы по составлению «пазла» Мартен соединил части с помощью фотографических репродукций, непрерывно сличая отдельные частицы текста в компьютере с фрагментами уже идентифицированных греческих текстов и, таким образом, распознал в них части одного из текстов Эмпедокла[3]. Вместе с Примавези, специализирующимся на текстах этого философа, в последующие три года он расшифровал фрагмент целиком. В 1997 году оба ученых представили результат своего исследования широкой общественности в сицилийском Агридженто. В связи с тем что до нас наследие философов-досократиков дошло лишь в крошечных фрагментах и в различных списках и описаниях, эта находка оказалась грандиозной. Эти фрагменты были куплены еще в 1904/1905 году у египетского антиквара за один британский фунт одним поверенным берлинского «Папирусного картеля», который должен был следить за тем, чтобы немецкие архивы не совершали покупок у местных торговцев по завышенным ценам. Возможно, необычайное значение этих находок было бы обнаружено раньше, если бы они оставались в Берлине, где в те времена работал наилучший знаток досократиков — классический филолог Герман Дильс. Но Картель бросил жребий, и эти папирусы были перевезены в Страсбург, который тогда — будучи столицей Эльзас-Лотарингии — политически принадлежал Германии. Там они тщательно оберегались, но почти девять десятилетий их особая ценность оставалась незамеченной.

2 Цитируется по докладу Примавези в: *Belz,* 2000. См. полный доклад: *Martin/Primavesi*, 1999.

3 В неаполитанском археологическом музее выставлены несколько фрагментов папируса Эмпедокла, на основании которых можно представить себе, насколько сложна был работа; только имея на руках оригиналы Мартен смог рассмотреть текстуры фрагментов для их сложения.

Примавези оценивает эту находку как грандиозную, в том числе и по содержательным причинам. Она, по его мнению, вынуждает к «переучиванию» в исследованиях Эмпедокла. В аристотелевской традиции творчество этого поэта-философа подразделялась на две части: натурфилософские стихи о природе и книга об «очищениях», которая посвящена человеческой душе. «Этот папирус показывает, что такая попытка разделения неверна: физика четырех начал с одной стороны, вина и искупление демона души — с другой в новом тексте столь тесно переплетены между собой, что речь должна идти об интегральных составных частях одной и той же всеобъемлющей теории»[4].

Последнее столетие было эпохой страшных событий, преступных политических систем и чудовищных конфронтаций, сменявшихся фазами экономического и культурного процветания. В конце XX столетия мы — как будто в знак примирения — оказались охвачены концепциями искусственного объединения, соединения и унификации. Универсальные машины, глобализация и включение в единую сеть посредством технологий раздробленных в повседневной реальности регионов и идентичностей были противопоставлены фактическим разделениям, возникшим в силу существующего распределения богатств, образования, культур и знания, как между людьми, так и между людьми и машинами. Реальные противоречия не стали от этого меньше. Просто казалось, их можно легче преодолеть с помощью рыночных и технических стратегий. Но в начале XXI века ситуация вновь стала ухудшаться. Те, у кого не было ничего, кроме собственной плоти, гордости, идей спасения и ненависти, вступили в игру против тех, у кого есть все, кроме плоти, гордости и освободительных идей. Правда, взаимная ненависть была у них общей.

Регион, где жил и работал Эмпедокл, был в VI–V веках до н. э. богатым. И поэтому он служил предметом всеобщего вожделения и борьбы. Расположенный между территориями Малой Азии, Северной Африки и материковой Европой, он пережил быструю перемену от бурного расцвета до жестоких военных походов, приведших к его разрушению. Целая плеяда оригинальных мыслителей происходит из этого региона, расположенного между Ионическими островами и побережьем Сицилии и представлявшего собой своего рода демаркационную линию между интересами тогдашних великих держав. К ним принадлежат Гераклит

4 *Primavesi // Belz*, 2000, 39.

Эфесский, Парменид Элейский, Анаксагор из Клазомен, Демокрит из Абдеры, Эмпедокл из Акраганта (Агригентума) на южном берегу острова Сицилии, самом дальнем юго-западном форпосте классической Греции, противостоявшей североафриканскому Карфагену. Люди, населявшие этот город, происходили из разных культур и образовывали уникальную смесь. «Акрагантяне едят так, словно завтра умрут, а дома строят так, словно будут жить вечно!», — отзывался Эмпедокл о своих соотечественниках[5]. Кайрос и Кронос меняются местами: сегодня мы строим дома, которые через несколько лет или десятилетий превратятся в руины, разрушатся или будут снесены. «Хроническим» же стало удовольствие, которое не имеет ничего общего с радостью, так как, в отличие от радости, для него не нужно повода[6].

Фридрих Гёльдерлин отчаялся в попытках, направленных на то, чтобы соединить разрозненное как в своей поэзии, так и в своей жизни. Эмпедокл предстал у него в драме как трагический неудачник, как некий Икар, который при восхождении к свету подлетел так близко к солнцу, что растаял воск, скреплявший перья его крыльев. Согласно Гёльдерлину, Эмпедокл, словно падший ангел или блуждающий демон, низвергся в движении краха в пылающий вулкан, чтобы в конце концов воссоединиться с той стихией, которая зачаровывала его больше всего, со стихией огня. Совершенно неважно, соответствует ли действительности эта легенда о гибели поэта-философа, которая конкурирует со многими другими: в судьбе Эмпедокла меня интересует, прежде всего, его сандалия, которая якобы нашлась у подножия Этны и которая свидетельствует об особенном, упорном сопротивлении, о своеволии вещей, восстающих против «конфискации» и уничтожения, в том числе и посредством исторических интерпретаций. Больше, чем смерть Эмпедокла, волнует меня жизнь этого «кормчего-властелина», как называет его Пантея во фрагменте трагедии Гёльдерлина[7], жизнь, донесенная до нас в мыслях Гёльдерлина,

5 *Rolland,* 1918, 15; очень похожую цитату находим в *Steinhart,* 1940, 84. См. *Диоген Лаэртский.* О жизни учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 323.

6 Хочу поблагодарить боннского нейрофизиолога Детлефа Б. Линке, давшего мне импульс к этим размышлениям.

7 *Hölderlin,* 1973, 7. См. рус. пер.: *Гёльдерлин Ф.* Смерть Эмпедокла / пер. с нем. Я. Э. Голосовкер. М. — Л.: Academia, 1931. С. 20.

облеченных в форму его чарующих стихов. Философию Эмпедокла я никогда не воспринимал как концепцию краха, но всегда — как мировоззрение, которое ориентировано на успех как раз потому, что оно осознаёт возможность краха.

На первый взгляд кажется праздным в эпоху всеохватной воспроизводимости вещей и организмов заниматься насчитывающими два с половиной тысячелетия идеями философа, излагавшего свои идеи изящным эпическим гекзаметром. И может показаться анахроничным, что эти рассуждения располагаются в начале работы, специфическим образом исследующей отношения человека и машины. В конце 1940-х годов, примерно в то самое время, когда Алан Тьюринг написал ставшую впоследствии известной статью об умных машинах, а Норберт Винер опубликовал книгу о взаимоотношениях между контролем и коммуникацией посредством кибернетики, Эрвин Шрёдингер прочел в Дублине и Лондоне серию лекций об отношении греков к природе, причем напрямую объявил своим героем атомиста Демокрита. Свою собственную специальность, теоретическую физику, к наиболее ярким представителям которой Шрёдингер и относился, он считал находящейся в положении глубокого кризиса базовых положений, связанного с распространением теории относительности, квантовой механики, усилением роли биологии, но также и с опытом исторического насилия, которое было организовано с помощью естественных наук. Поэтому он считал уместным возвратиться к истокам мышления о природе. Тем самым он выступал против ложно понятого Просвещения. В качестве свидетеля ярко выраженной противоположной позиции, Шрёдингер цитировал австрийского физика Эрнста Маха, который в одной из популярных лекций утверждал, что «наша культура постепенно приобрела полную независимость, намного возвысившись над античной. Она следует совершенно *новому* направлению». «Она сосредоточена, — по мнению Маха, — „вокруг математического и научного просвещения. Следы античных идей, все еще влачащие жалкое существование в философии, в юриспруденции, искусстве и науке, составляют скорее препятствия, чем ценный вклад в них, и в конечном счете перед лицом развития наших собственных взглядов станут несостоятельными“»[8].

8 Цитируется по: *Schrödinger,* 1956, 29. См. рус. пер.: *Шрёдингер Э.* Природа и греки. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. С. 20.

«Высокомерную грубость этих строк» Шрёдингер парировал защитительной речью в пользу «возвращения», к тем истокам мышления, в которых еще не произошло разделение, сформировавшее современный естественнонаучный образ природы. Опасные недоразумения не могли бы возникнуть у «людей, знающих слишком много, но у людей, полагающих, что они знают значительно больше, чем они знают на самом деле»[9]. Для своего возвращения Шрёдингер нашел прекрасное сравнение:

> Наш взгляд скользит вспять, вдоль стены: разве мы не можем снести ее, разве она существует с незапамятных времен? Если мы проследим ее извивы в истории через холмы и долины, то перед нами предстанет далекая-далекая страна, отдаленная от нас на более чем две тысячи лет, где стена становится все меньше, а затем и вовсе исчезает, а путь оказывается еще не разделенным и *единым*. Некоторые из нас считают достойным усилия возвратиться и посмотреть, нельзя ли чему-нибудь научиться у этого заманчивого изначального единства[10].

Речь, конечно же, не идет о том, чтобы предлагать фактическое или воображаемое возвращение во времена, предшествовавшие этим разделениям. Это невозможно ни в частной, ни в публичной сфере. Но, наверное, все же стоило бы заново продумать такие констелляции, которые, очевидно, были подспорьем для открытого и свободного мышления — несмотря на противодействие власть имущих, которое определяло повседневность. «Разумеется, решающим фактором послужили не количество и не плотность социально благоустроенных образованных людей, — пишет физик и теоретик хаоса Отто Рёсслер в тексте об основоположнике теории хаоса, Анаксагоре, который лишь немногим старше Эмпедокла. — Таковы были веяния времени, настрой духа и свобода от страха. Тенденция по укреплению общества в течение некоторого времени распространялась благодаря экспансии духа немногих»[11].

9 Ibid., 13. См. рус. пер.: там же, 10.

10 Ibid., 21. См. рус. пер.: там же, 14–15.

11 Рёсслер: «Благородная простота, спокойное величие — можно ли любить Анаксагора?» // *Belz,* 2000. S. 4.

Эмпедокл уже при жизни стал мифологической фигурой. Диодор Эфесский описывает его следующим образом: «…он облачался в пурпурную мантию, длинные, густые волосы украшены лентами и венками <…>, в сандалиях с бронзовыми подошвами — так проходил он через города, с угрюмым и неизменным выражением лица, со свитой сопровождающих его слуг…»[12] Благодаря особым врачебным способностям Эмпедокла почитали как чудотворца. Ему приписывали какую-то магическую власть над природой. Жители Селинунта приписывали ему чуть ли не божественное положение, так как он — используя собственное состояние — повернул две реки в один заболоченный и отравленный миазмами водный путь, и тем самым не только остановил распространение эпидемических болезней в их городе, но и дал жителям доступ к свежей воде. Как мыслитель пифагорейской школы, Эмпедокл, разумеется, придавал большое значение музыке, которой он приписывал целительную силу и которую он применял в терапевтических целях. Но прежде всего, он был человеком публичным. В качестве «пламенного друга свободы и притеснителя тиранов»[13] он занимался демократизацией греческих городов на Сицилии, постоянно улаживал споры за первенство на этом острове между Сиракузами и Акрагантом и уже тогда боролся за идею особого сицилийского политического единства. Однако Эмпедокл упорно отказывался занимать политические должности, обосновывая это тем, что он стремится воздействовать на людей не властью, а своим авторитетом.

Итак, поскольку политическое мышление Эмпедокла полностью определялось идеей мирного разрешения противоречий, он разрабатывал и свою физическую картину мира как попытку примирить между собой непримиримые позиции. Незадолго до этого Парменид, чьим учением интересовался Эмпедокл, постулировал бытие как нечто вечное, не подверженное становлению и переменам, имеющее форму

12 Цит. по: *Steinhart,* 1840, 86. Согласно Rolland (1918, 15), у него «княжеское» выражение лица и сандалии из бронзы. Рассуждения о биографии Эмпедокла содержатся также в новейшей литературе о нем, напр., в статье Дениса О'Брайена (O'Brien Denis) // *Brunschwig/Lloyd*, 2000, 533–546. Однако более интересным в этом отношении мне представляется тщательно выверенный, детализированный и объемный текст Штайнхарта. См. также: Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1 / пер. А.В.Лебедева. М., 1989. С. 334; см. также: *Диоген Лаэртский.* О жизни учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 326.

13 Ibid, 85. См.: *Диоген Лаэртский*, С. 323–324.

гомогенного шара. Анаксагор объяснял все сущее исходя из принципа смешения.

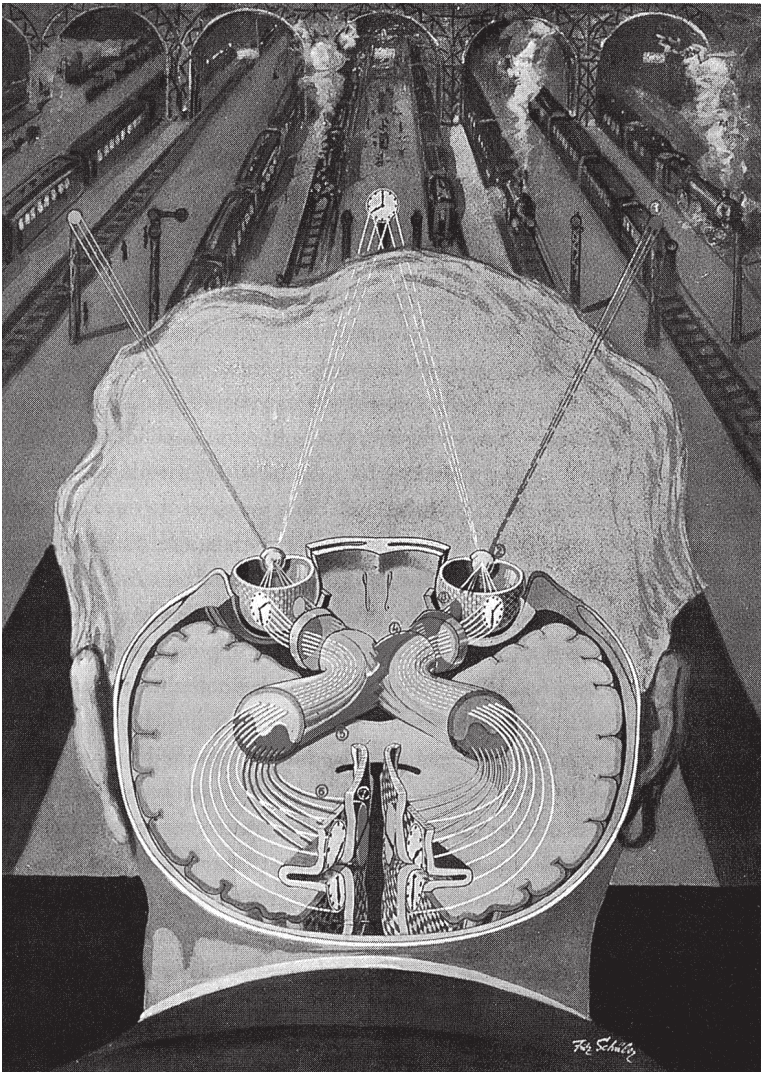
Природные вещи, согласно его мнению, возникают и исчезают в процессе непрерывного смешивания. Эмпедокл пытался соединить воедино эти разрозненные взгляды. Его представление о природе определяется тремя принципами. Первый из них касается сведения всего сущего к основополагающей множественности четырех элементов (стихий): огня, земли, воды и воздуха. Он называл их «корневищами», что можно перевести как *rhizomata*[14]. Все состоит из смешанных в разных пропорциях частиц этих четырех субстанций. Второй принцип соотносится с модусом, в котором свершается это смешение. Для Эмпедокла нет ни начала, ни конца сущего и поэтому нет также ни становления, ни уничтожения. Нечто не может возникнуть из ничего и превратиться в ничто. Его концепция для всех природных процессов — как и у Анаксагора — смешение. Четырем стихиям соответствуют материальные качества: горячее, сухое, влажное и холодное. Во всех существующих вещах и живых существах действуют четыре этих качества, фундаментальные для химической науки:

> Ибо из них — все то, что было, что есть и что будет,
> Ибо из них — деревья, из них стали мужи и жены,
> Дикие звери, и птицы, и в море живущие рыбы,
> Также и боги из них, многочтимые, долгие днями.
> Только они и есть, и все те же, но входят друг в друга,
> Разный вид принимая — настолько их смесь изменяет[15].

Эмпедокл не делает существенного различия между разнообразными явлениями природы. Все для него являются одушевленными и для них

14 Эмпедокл, цит. по: *Mansfeld,* 1996, Bd. II, 75. См. также: *O'Brien // Brunschwig/Lloyd* 2000, 537, О'Брайен, по-видимому, подхватывает это понятие из-за его близости идеям Делёза/Гваттари. [Ризома — одно из основных понятий «Тысячи плато» Делёза и Гваттари. — *Примеч. пер.*] См. также: Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1 / пер. А. В. Лебедева. М., 1989. 31 (В 17). С. 344.

15 *Mansfeld,* 1996. Bd. II. S. 83. Издание фрагментов досократиков Мансфельда, по существу, основано на совместном издании Германа Дильса и Вальтера Кранца. Рус. пер. цит. по изд.: Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. М.: Ладомир, 1999. С. 186. См. также: Фрагменты ранних греческих философов. С. 349.

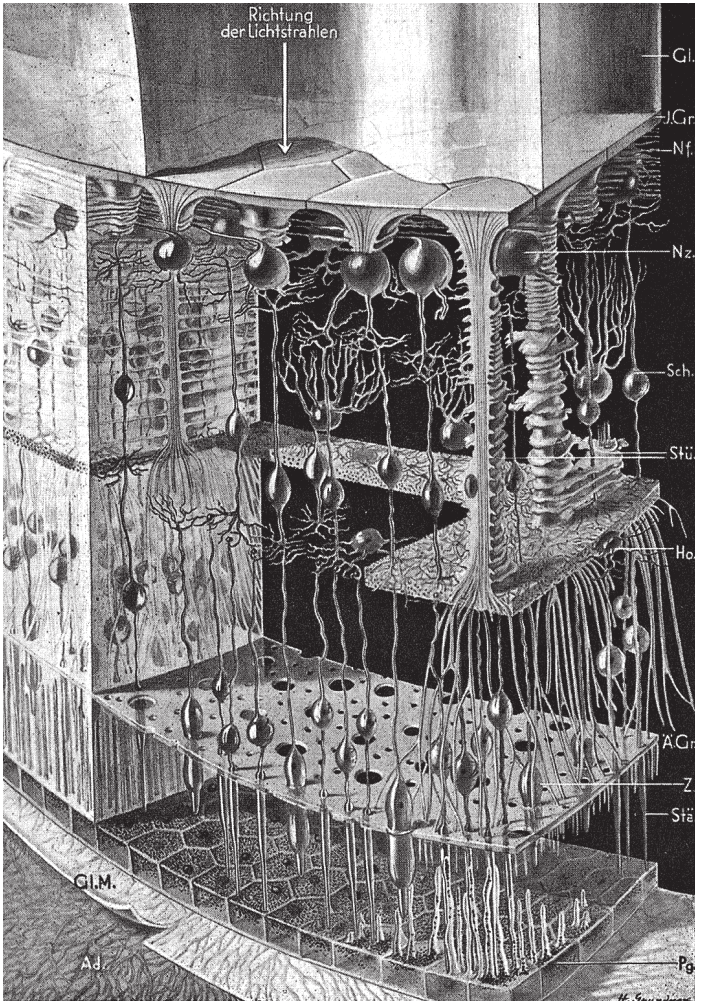
IMG_3.1 Пятитомное сочинение Фрица Кана «Жизнь человека» представляет собой кульминацию описания человеческого организма как механической системы. На примере оптического восприятия здесь приводятся в качестве объектов перцепции важнейшая машина ускорения XIX в., часы, и электрические сигналы тревоги. (*Kahn*, Bd. 4, 1929, Tafel XXII)

характерны различные сходства. Растения Эмпедокл считает особенно восприимчивыми существами. Он называет их «эмбрионами» природы, которые в состоянии объединять в себе оба пола и размножаться без взаимной секреции. С животными и людьми их, по его мнению, объединяет множество аналогий. Чем для растений служат листья, тем для животных и людей являются перья, шерсть или волосы[16].

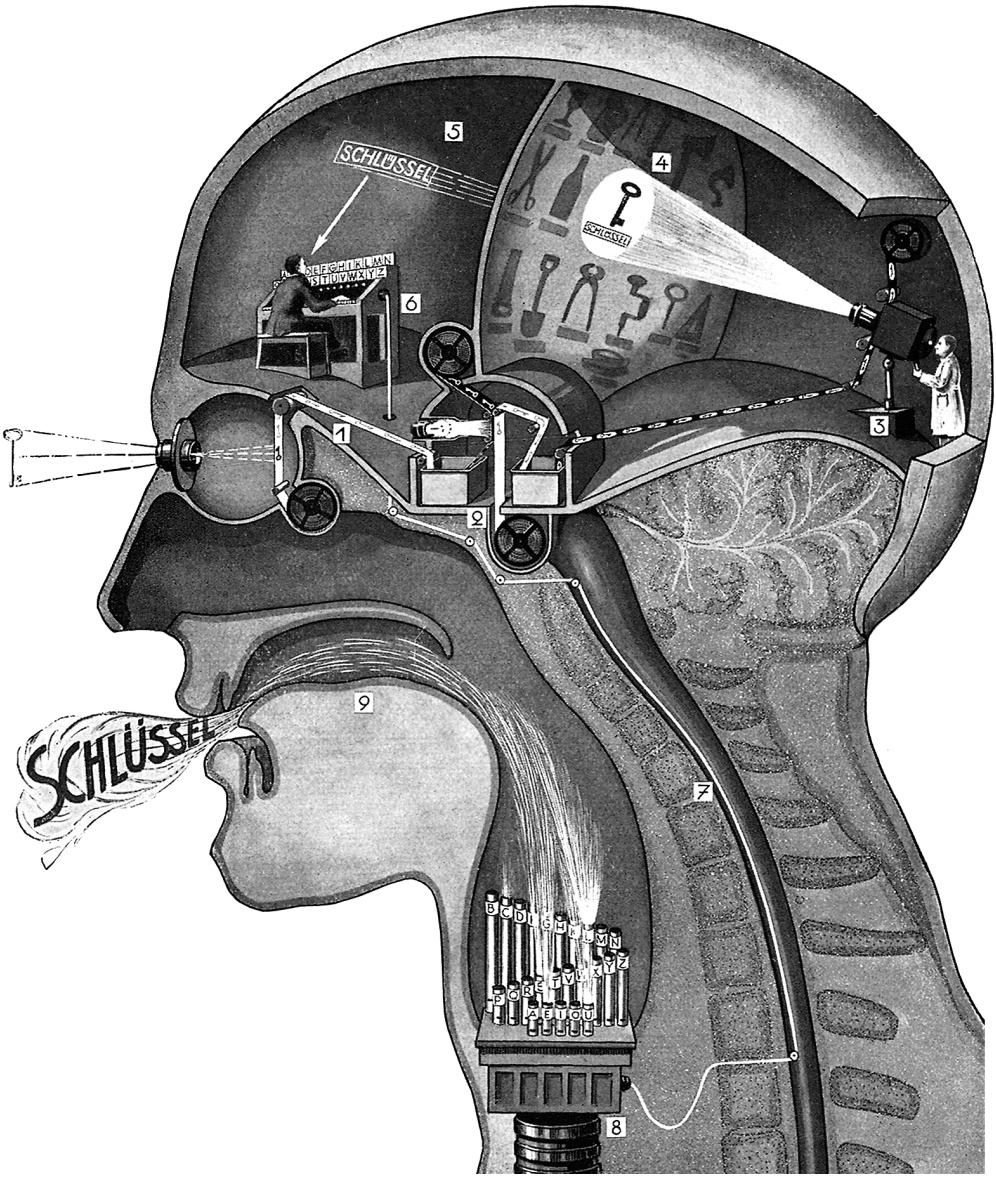
Третий принцип озаряет учение Эмпедокла о природе в целом. Этот принцип сделал это учение столь же привлекательным для Платона, Плотина и неоплатоников, сколь и для магических натурфилософов XV–XVI веков, и, возможно, именно он породил оценку Аристотеля, согласно которой поэт-философ был «косноязычен, он, пожалуй, предчувствовал истину, но был не в состоянии выразить ее философским языком»[17]. Силы, лежащие в основе операции смешивания элементов, суть аттракция и репульсия, притяжение и отталкивание, или — выражаясь тем языком, который предпочитает Эмпедокл в своих поэмах: Любовь и Раздор. Они служат причиной всех движений. Используя обозначения, которые ближе к естественным наукам Нового времени, мы могли бы говорить также об энергиях, а соотносясь с элементами (стихиями) — о материи. Благодаря взаимодействию энергии и материи, которое направляется сродством между элементами, мы, в сущности, сталкиваемся с той парадигмой, которая как в физике, так и в химии и по сей день играет важную роль при анализе природы как в великом, так и в малом, как в макромире, так и в микромире природных феноменов. В зависимости от того, как распределяются Любовь и Раздор в их конкретном проявлении, определяются и структура универсума, и соотношение центра и периферии. Идеальная форма задается через господство Любви. Если Любовь действует в центре всех движений, то смешивания распределены равномерно. Это *sphairos*, состояние покоя, мира, счастья. Форма, соответствующая этому состоянию, есть мяч, шар, который уже для Парменида воплощал наилучшую из возможных форм сущего. Но это состояние для Эмпедокла не вечно и не статично, оно включает в себя непрерывную длительность движения. Раздор непрестанно врывается в покой и счастье и производит, силой разделения, новые соотношения элементов и новые смешения. Любовь вытесняется из центра. Язык,

16 *Steinhart,* 1840, 98, а также: *Mansfeld,* 1996, 119. См. также: 382.

17 *Steinhart,* 1840, 90. См. также: 339.

IMG_3.2 «Сетчатка при сильном увеличении» (*Kahn*, Bd. 5, 1931. Рис. VII). Сверху вниз — эскизы составных частей органа зрения, от «хрусталика, располагающегося перед сетчаткой» (Gl.) через «фотоэлементы, связывающие клетки зрительного нерва со зрительными клетками» (Sch.), до «колбочек» (Z.) и «палочек» (Stä)

IMG_3.3 «Акт зрения» и артикуляция увиденного как полностью составленного из функционального круговорота, образованного с помощью медиатехники: «Образ ключа попадает через линзовую систему глаза на светочувствительную сетчатку глазного дна и освещает ее…» (*Kahn*, Bd. 4, 1929, Tafel VIII)

используемый Эмпедоклом для обозначения этого состояния, отражает его собственную судьбу, но также и судьбу многих из его современников-интеллектуалов, которые — подобно Анаксагору — были вынуждены отправиться в изгнание. Любовь изгоняется во внешние пределы осаждающего ее хаоса [18]. С периферии она начинает заново создавать новые соотношения элементов им во благо.

В чрезвычайно растяжимые понятийные рамки непрерывного движения элементов и их бесконечного смешения встроена также концепция восприятия «одного через другое». Эмпедокл не делает принципиального различия между постижением и чувственным опытом. И то и другое для него — природные процессы. «Счастливая весна духа, когда разум еще грезил, а греза мыслила; когда наука и поэзия были двумя крылами мудрости человеческой» [19]. Ровно столь же чуждым является для Эмпедокла представление о разделении всего действующего и происходящего на субъективный и объективный мир. Для него не существует, с одной стороны, некоего субъекта действия, который наслаждается и причиняет страдание, а с другой — пассивного субъекта претерпевания, который страдает и испытывает воздействие. Сущее в движении смешивания означает, что происходит непрерывный обмен между первым и вторым. Оба активны. Чтобы было возможным это деятельное бытие для других и другого, Эмпедокл мыслит все явления природы, наделяя их чудесным даром — некоей кожей, которая не только защищает их, но и проницаема в обоих направлениях. Для этого кожа снабжена очень мелкими, невидимыми порами, имеющими различные формы. Сквозь пористую кожу непрестанно изливаются потоки. Поры не предназначены ни для чего конкретного. Все непрерывно изливается через эти поры. В случае антипатии потоки не встречаются. Если же нечто одно склоняется к чему-то другому в случае симпатии, то оно принимает его истечения, или, точнее говоря: его собственные испускания сочетаются с испусканиями другого, приводя к взаимному ощущению. Предпосылкой для того, чтобы такое событие могло случиться, является то, что их поры соответствуют друг другу по форме

18 Так Роллан (*Rolland,* 1918, 21) интерпретирует Эмпедокла. См. также: *Роллан Р.* Эмпедокл Агригентский и век ненависти / пер. с франц. Л. А. Рубакиной. New-York: Association Press, 1918.

19 Ibid., 26.

и по размеру и что они обладают некоей «общей мерой». Разные органы чувств отличаются друг от друга именно тем, что их поры не тождественны друг другу по размеру и форме. «Потому-то одни [из органов чувств] и не могут различить объекты других, так как у одних поры слишком широки, у других слишком узки по сравнению с воспринимаемым объектом, так что одни объекты проникают [в поры с легкостью], не задевая их, а другие вовсе не могут войти»[20].

Глаза для Эмпедокла были творением Афродиты. На их примере в дошедших до нас фрагментах отчетливее всего видно, что он понимал под работой Любви как предпосылкой успешного восприятия. Свойствам глаза и деятельности зрения Эмпедокл посвятил один из прекраснейших пассажей, который мы встречаем в сохранившихся фрагментах:

> Словно как некто, собираясь в дорогу, снаряжает светильник, —
> Свет огня, пылающего в ненастную ночь, —
> Приладив в ветреную погоду стенки фонаря из тонкой ткани,
> Которые рассеивают дуновение веющих ветров,
> Тогда как огонь — тот, что потоньше, — проскальзывает наружу
> И светит на пороге неослабными лучами,
> Так и в те времена, заперев внутри оболочек первобытный огонь,
> [Афродита] спрятала круглолицую девочку [= зрачок] за тонкими полотнами,
> Которые закупорили толщу обтекающей [глаз] воды,
> Тогда как огонь — тот, что потоньше, — проскакивал наружу[21].

Анатомическое разложение глаза на составные части: сетчатку, глазную жидкость, зрачок, зрительные рецепторы — Эмпедокл поэтически связывает с важнейшим для него и основным условием восприятия другого:

20 *Mansfeld*, 1996, Bd. II, 129. Цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1 / пер. А. В. Лебедева. М., 1989. С. 373. Определение воспринимаемого или воспринимающего как «…объекта» в вышеописанном смысле проблематично, хотя и показывает, как трудно нам сегодня не мыслить основополагающее разделение. Эмпедокл же отказывается от абстракции, напр., во фрагменте о вкусе: «Так сладкое хватало сладкое, горькое бросалось на горькое, кислое покрыло кислое, соленое спаривалось с соленым» (Ibid.). См.: Там же. С. 389.

21 *Mansfeld*, 1996. Bd. II. S. 107; об этом см. подробно: *Reiss,* 1995, благодаря которому я много лет назад впервые ознакомился с этим фрагментом текста. Эмпедокл, цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 372. Пер. А. В. Лебедева.

воспринимать других как непрерывно изливающуюся деятельность предполагает богатство неиссякаемой энергии, пылающей внутри.

То же касается и акустического восприятия. Слух для Эмпедокла — ощущение, которое происходит внутри уха и на границе с внешним. Он описывает слух исключительно в физиологических терминах. Восприятие звуков, согласно Эмпедоклу, происходит от внутренних шумов, которые «производит внутренний воздух, когда он приводится в движение звуком». Сам орган слуха Эмпедокл называет «мясным суком». Он сравнивает его с резонансным телом колокольчика, звучащим в унисон со звуками находящихся снаружи вещей и живых существ. Слушание — это слух при наличии симпатии, предполагающий некое внутреннее движение. «Слуховое ощущение возникает в результате напора воздушного потока на хрящ, который… подвешен внутри уха; при этом он болтается и ударяется словно колокольчик»[22].

Между бесконечными множественностями Эмпедокл не мыслит никакой иерархии. Одно существует не над другим, все находится рядом друг с другом в движении и друг друга проницает. Точно так же он не выстраивает никакой иерархии между органами чувств. Эта иерархия станет изобретением Аристотеля. Зрение не более ценно, чем слух; вкус не ценнее осязания или обоняния. На примере последнего становится понятно, сколь отчетливо поэт-философ из Акраганта понимает восприятие как активный процесс. Он приписывает «самое тонкое обоняние» тем, «у кого дыхательное движение наиболее интенсивно. Самый сильный запах источают тонкие и легкие тела»[23]. При этом здесь, вероятно, содержится даже переход к душе, а, может быть, и к анаксагоровскому *нусу*, к той тончайшей и чистейшей материи, из которой состоит движущий всем дух. Ибо «все старые слова, обозначающие душу, первоначально означали воздух или дыхание»[24].

22 Эмпедокл по: *Mansfeld,* 1996. Bd. II, 132. См. рус. пер.: Там же, 379.

23 Ibid., 133. Два последних процитированных отрывка взяты из текстов Эмпедокла, переданных Теофрастом. Различения между классическими источниками в данном случае не столь важны, поскольку анализ здесь проводится не с позиций классической филологии. Цитируется по: Там же. С. 373.

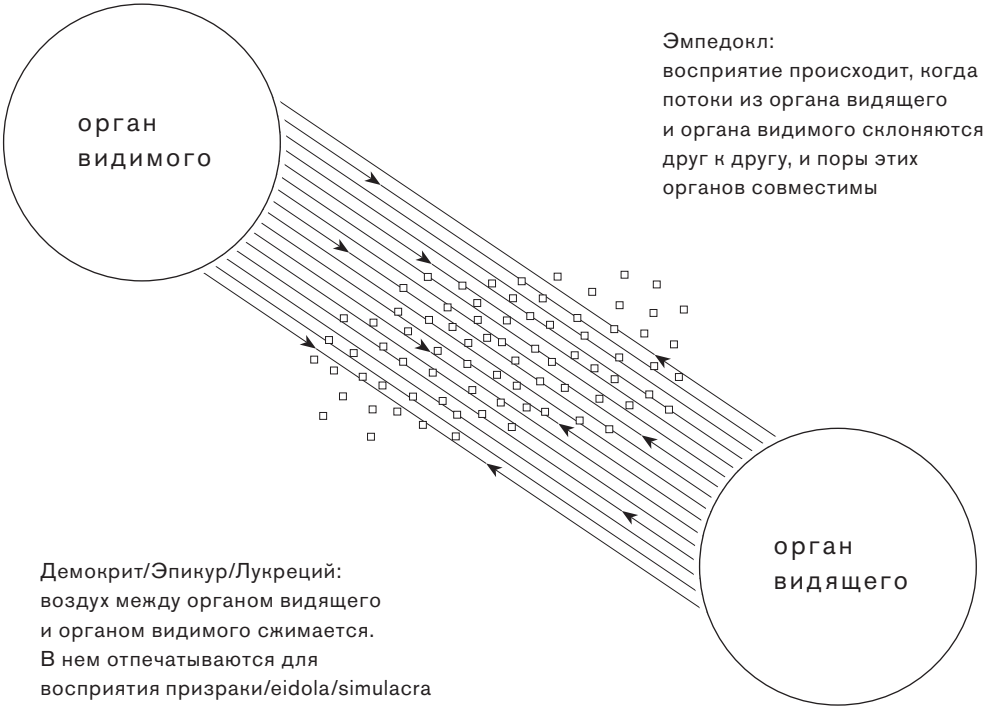
24 Шрёдингер приводит здесь также некоторые понятия в оригинале (*Schrödinger,* 1956, 101). См. рус. пер: *Шрёдингер Э.* Природа и греки. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. С. 63.

Однако же теория пор Эмпедокла — не та концепция, где человеку отводится привилегированное положение. Принципы беспрепятственного смешения и обмена действуют для всех явлений природы, включая неорганические. Так, подобно тому, как на примере зрения у живого существа, оснащенного глазами, Эмпедокл предполагает внутренний огонь в качестве движущей силы, точно так же он полагает, что такой же огонь действует в камнях и металлах. Формирование поверхности земли он объясняет вулканической деятельностью. Каменные массы, скалы и утесы воздвигаются и заостряются благодаря тому, что «много огней горит в недрах земли», и этот процесс будет продолжаться, пока горит огонь. Зеркальные отражения представляются Эмпедоклу также зависимыми от огня. При этом стоит иметь в виду, что зеркала в его эпоху изготовлялись еще не из стекла, а из полированного металла, прежде всего, меди. Зеркальное отражение возникает из-за того, что воздух — благодаря внутреннему огню металла — нагревается на его поверхности, и истечения, направляющиеся на металл, становятся хорошо в нем видны. Однако особенные силы Эмпедокл приписывал камням, которые также считал покрытыми пористой кожицей. Явления магнетизма давали ему впечатляющее подтверждение этому. Так, истекающее из янтаря притяжение способствует тому, что сквозь поры лежащего рядом с ним металла втягиваются истечения первого[25].

Искусственное или естественное Третье, которое следовало бы расположить между пористой кожицей органов Одного и Другого в процессе восприятия, Эмпедоклом не предусмотрено. По крайней мере, его невозможно найти в немногочисленных сохранившихся фрагментах. Успешное восприятие для Эмпедокла — это успешный обмен истечений, флюидов. Иначе обстоят дела у философа и естествоиспытателя Демокрита, который создавал свое учение почти в то же самое время, что и Эмпедокл, только в другом месте, в Абдере[26]. Он наделял флюиды некоей структурой и пытался прояснить их внутренние взаимосвязи. По его мнению, мир состоит из двух противоположных сущностей,

25 См. также цитату: *Steinhart*, 1840, 98. См. также: Фрагменты ранних греческих философов. С. 362, 364.

26 Демокрит был учеником Левкиппа, учение которого он объединил в своих произведениях с собственными идеями.

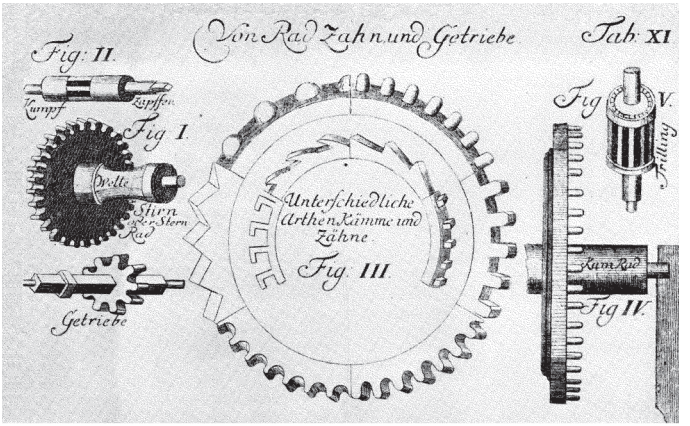

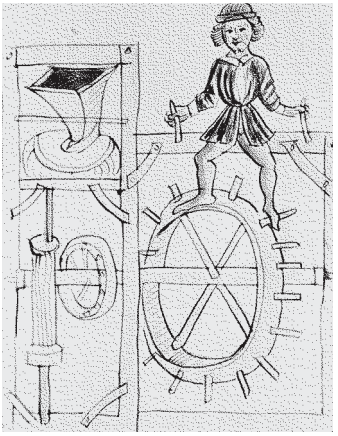
IMG_3.4 Эмпедоклова теория восприятия через поры на примере зрения.

взаимно друг в друге нуждающихся: полного и пустого. Полное не замкнуто, но состоит из множества мельчайших единиц, которые Демокрит называет атомами. Они столь крошечны, что их не видно. Они неделимы. В качестве элементарных субстанций все атомы обладают одинаковыми материальными свойствами и в то же время бесконечным множеством различных размеров и форм. Они непрестанно пребывают в движении. Для этого им необходима пустота вокруг, пространство. В качестве более не делимых субстанций атомы непроницаемы. В своем непрерывном движении они наталкиваются друг на друга и, таким образом, движутся в самых разнообразных направлениях. Из этих бесконечно многообразных форм в движении возникает и состоит все, что существует — в том числе и органы восприятия.

Итак, Демокрит расширяет Эмпедоклову теорию пор в двух отношениях: во-первых, вводя пустое пространство, он вводит своего рода среду-«медиум», в которой могут формироваться различные конфигурации; во-вторых, он придумывает некий конкретный — в его смысле — материальный «промежуток». Потоки, которые исходят от воспринятого с одной стороны и от воспринимающего с другой, приводят к тому, что воздух между воспринимающим и воспринимаемым сжимается. Различные констелляции подвижных атомов пропитываются сжатым воздухом и предстают там как «идолы» (*eidola*), как отображения действительных вещей, которые могут идентифицироваться органами восприятия в виде различаемых конфигураций. Успешное восприятие, согласно теории Демокрита, возникает благодаря тому, что посредством «идолов» происходит успешный обмен между органами и тем, с чем они встречаются. Это можно представить себе как своего рода взаимную подстройку, как взаимное ощупывание многообразных форм через промежуточный слой сжатого воздуха. Этот воздух получает статус «интерфейса» между воспринимающим и воспринимаемым.

Существенное отличие от Эмпедокловой концепции состоит в том, что Демокрит, предлагая идею образов в сжатом воздухе, ставит вопрос, который для акрагантца вообще не возникает. Это вопрос о том, истинно или неистинно то, что запечатлевается в качестве «идола» в сжатом воздухе. В греческом слове *eidolon* отражается целое поле значений между «знать», «познавать», «узревать» и «видимостью», «тенью», «иллюзией». Успешное восприятие для Демокрита не обязательно должно

IMG_3.5 Изображение сверху: Инженеры различают в теории интерфейсов два основных типа интерфейса: «человек-машина» и «машина-машина». О классическом интерфейсе второго типа Якоб Лойпольд опубликовал восьмитомную работу на 1764 страницах, «Theatrum Machinarum». На верхней картинке он изображает различные зубцы, которые должны цепляться друг за друга, образуя совершенный механический интерфейс. Об этом Лойпольд пишет: «Колесо и коробка передач — одно из искусственных орудий, высокоценных потому, что посредством некоторых немногочисленных колес и передач, которые — в зависимости от обстоятельств работы механизма — зачастую можно использовать в небольшом пространстве, не только значительно приумножаются наши возможности, но и, поскольку движение длится непрерывно и без рычага, становится возможным повторение». Изображение снизу: Ступенчатое колесо 1430 года представляет собой смешанный тип. Функция совместимой приводной шестеренки осуществляется здесь благодаря тому, что человек наступает на педаль. (*Mattschoß*, 1940, 34, 17)

носить истинный характер. Введением «интерфейса» в акт восприятия он создает разрыв между рассудком и органами чувств. Истинно по отношению к существующим вещам лишь то, что существуют атомы в движении и пустота, отдельные материальные элементы и окружающая их среда-«медиум». «Сладкое только считается таким, горькое только считается таким, теплое только считается таким, холодное только считается таким, цвет только считается таким, в действительности же — атомы и пустота»[27]. Подобно тому, как констелляции воспринимающего непрерывно изменяются в движениях и столкновениях, так же происходит и с органами восприятия. Они образуют не неизменную действительность, а непрерывно варьирующиеся состояния. Фрагмент 117 сочинений Демокрита, в данном случае дошедший до нас благодаря Диогену Лаэртскому, резюмирует гносеологическую составляющую его философии: «По существу мы ничего не знаем, ибо истина — в глубинах»[28].

Представление о «выделениях» в виде изменчивых конфигураций атомов, которые «сжимаются» в воздухе в некие образования и «ощупываются» органами восприятия, разделяли и многие мыслители последующих поколений, например Лукреций. В поэме «О природе вещей» важную роль играет одно латинское слово, которым переводится греческое *eidola* и которое является ключевым в постмодернистской теории изображения с его неопределенным онтологическим статусом где-то между «быть» и «казаться»: «nam si abest quod ames, praesto simulacra tamen sunt… / ибо хоть та далеко, кого любишь, — всегда пред тобою // Призрак ее…»[29, 30] Как бы там ни было, у Лукреция не возникало ни малейшего сомнения в том, что *simulacra*, которые в бесчисленном количестве и многообразии роятся как флюиды вещей, принципиально существуют. Сомнения

27 Демокрит цит. по: *Mansfeld*, 1996, 319. Рус пер. цит. по изд.: *Лурье С.Я.* Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л.: Наука, 1970. С. 220.

28 Ibid. Рус пер. цит. по изд.: *Диоген Лаэртский.* О жизни учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 355.

29 Цит. по: *Тит Лукреций Кар.* О природе вещей. М., 1983. С. 152 / пер. Ф. А. Петровского. Ф. А. Петровский передает их как «призраки».

30 Цит. по: *Тит Лукреций Кар.* О природе вещей. М.: Худож. лит., 1983. С. 152. Пер. Ф. А. Петровского. [*simulacra* Петровский переводит как «призраки». — *Примеч. пер.*] В немецком оригинале цитируется перевод Карла Бюхнера, *Büchner,* 1973, 333.

в демокритовском смысле возникали у него тогда, когда осязание, присущее в рамках этой модели восприятия зрению, время от времени сталкивается с понятиями рассудка.

Жерар Симон в книге об античных теориях зрения превосходно объяснил то, что вообще служило предметом споров, когда древние делали своей темой взгляд и сложность отношений между видящим и видимым. Его критическое новое прочтение дошедших до нас фрагментов текстов античных натурфилософов привело к ясному результату: «зрительный луч», тот удивительный феномен, о котором непрерывно говорили «древние геометры» и который был геометрически представлен Евклидом, не следует мыслить как физическую величину. Предметом изучения античных натурфилософов были не свет и его распространение, а зрение. С точки зрения истории науки, поле античных текстов принадлежало тем самым не к физике, не к математике или геометрии, а скорее — к рабочему полю «теории души». Античные исследования можно было бы сформулировать как вопросы о «видящем человеке и его отношении к видимому»[31]. Сколь бы верным ни казалось мнение, что античные теории не следует втискивать в рамки наших категорий Нового времени, столь же проблематичным представляется разграничение дисциплин, которое Симон осуществляет здесь в терминологии современных научных занятий. Кажется, будто он противоречит здесь самому себе. Воззрения на природу, дух и душу, а также расчеты, которые проводили древние, не следует отделять друг от друга. Их концепция физиологии включала в себя все это[32], что имело серьезнейшие последствия для влияния, которое долгие столетия оказывала атомистическая теория Демокрита. Ибо Демокрит проецировал учение об атомах еще и на душу[33]. Подобную позицию не разделяли и резко критиковали философы последующей эпохи, прежде всего, Платон и Аристотель. К этой критике впоследствии присоединилась католическая церковь. Ей нужна была душа как инстанция за пределами материального, а тело — как

31 *Simon,* 1992, 23.

32 См.: *Rothschuh,* 1957.

33 Шрёдингер (*Schrödinger*, 1956) обсуждает эту проблему, особо акцентируя отличие идей Демокрита от Эпикура, которому он приписывает наивное заимствование парадигмы души (С. 103). См.: *Шрёдингер Э.* Природа и греки. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. С. 65.

управляемое свободной волей, которая, правда, пребывает в сложной зависимости от божественного промысла. Ведь в рамках какой бы то ни было сложной системы движений атомов грехопадение немыслимо, а мыслимо оно — самое большее — как катастрофа, за которую никто не несет ответственности. Только естествоиспытатели-алхимики XV–XVI веков. имели мужество связать себя с учением Демокрита, а в сердцах ранних романтиков единство его и Эмпедокла учения о природе с учением о душе обрело новую силу.

Оба исследователя — и Мартен, и Примавези — соединили части пазла из обрывков папируса в фрагмент текста, позволяющий по-новому взглянуть на привычное толкование идей Эмпедокла. Я же, в свою очередь, скромно попытался показать, что уже идентифицированные части текста можно соединить так, чтобы эмпедокловские и демокритовские идеи смогли оказаться полезны в контексте бурно развивающихся сегодня теории и практики медиа: границу между Одним и Другим, то есть воспринимающим и воспринимаемым, место их сопряжения понять как *интерфейс* между медиалюдьми и медиамашинами.

Теория пор Эмпедокла — это теория восприятия в простейшей и одновременно глубочайшей ее форме. С точки зрения технологической интерпретации — это теория двойной совместимости: размер и силовые отношения пор и потоков должны соответствовать друг другу, чтобы мог функционировать обмен. С физической точки зрения — это теория аффинности, теория сродства, которую психологически можно интерпретировать как взаимное привлечение внимания. С экономической теории зрения — это теория траты. С точки зрения эвристики медиа, которая объединяет различные аспекты, эта теория прекрасно подходит для того, чтобы быть теорией совершенного *интерфейса*. Так как он является совершенным, он никогда не сможет быть создан. Но как раз этот присущий ему потенциал невозможного делает эту теорию столь достойной внимания при обращении с реально существующими интерфейсами, которые позволяют создать совместимость между Одним и Другим, воспринимающим и воспринимаемым.

По сути, теория пор Эмпедокла делает излишним построение каких-либо дополнительных интерфейсов. Прозрачная кожа повсюду, это материальный компонент всех вещей и людей, который движется вместе с ними. Каждый, каждая и каждое наделены этим «подарком».

Демокрит добавил среду-«медиум», и тем самым то Третье, в котором видны эти идолы или симулякры, также и с точки зрения их истинности. У него есть предчувствие того, что в грядущем будут искусственно производиться пространства сопряжения — интерфейсы, способствующие преодолению разрыва между видимостью и бытием.

Когда Эмпедокл описывает республику, в которой он хотел бы жить, он начинает грезить. Это настоящая «республика грез», как ее понимал Бруно Шульц. Киприда — это ее прекрасная царица, которая богато одарена приношеньем «дивных картин живописных, священных елеев душистых, чистой несмешанной миррой и ладана благоуханьем, рыжего меда на землю из сотов струи проливая»[34]. Немногочисленные фрагменты, которые дошли до нас из поэмы «Очищения», содержат кратчайшую и эффективнейшую формулировку для философии преуспевания: «Не вкушать зла!»[35]

34 *Rolland,* 1918. S. 57. См. также: *Роллан Р.* Эмпедокл Агригентский и век ненависти / пер. с франц. Л. А. Рубакиной. New-York: Association Press, 1918. Цитата дана в переводе Г. И. Якубаниса в переработке М. Л. Гаспарова по изд. Эллинские поэты VIII–III веков до н. э., М.: Ладомир, 1999. С. 199. См. также: Фрагменты ранних греческих философов. С. 408.

35 Эмпедокл здесь цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. С. 412. В нем. оригинале цит. по: *Mansfeld*, 1996, 155.